

*Библиотека
для учащихся
Трудовая школа*

СОВРЕМЕННОЕ

1913
ГОДЪ

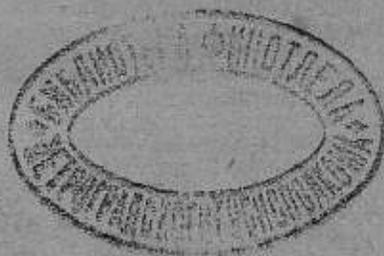
С. ПЕТЕРБУРГЪ

СОВРЕМЕННОСТЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ, ИСТОРИИ, ИСКУССТВА,
ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И ПОЛИТИКИ

ЯНВАРЬ—1913.

ТИПОГРАФИЯ „УЛЕЙ“
КИРПИЧНЫЙ ПЕР. 3.

НОВЫЯ КНИГИ.

В. Н. Сперанскій. *Общественная роль философіи. Введение въ исторію политическихъ ученій. Изъ лекцій, читанныхъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ и на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. Выпускъ I. СПБ. Изд. Шиповникъ, 1913.*

Господишь Сперанскій умѣетъ писать простымъ, толковымъ языкомъ. Въ его небольшой книгѣ найдется немало страницъ, написанныхъ легко и даже увлекательно. Но, какъ видно, онъ думаетъ, что писать простымъ и толковымъ языкомъ можно только о предметахъ не весьма возвышенныхъ. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ у него о матеріяхъ болѣе важныхъ,—напримѣръ, о „вѣвременнохъ идеалахъ чистаго разума“,—онъ выражается напыщенно и невнятно. Вотъ примѣръ.

„Не безотчетная прихоть привередливаго вкуса подсказываетъ намъ желаніе найти самобытныя эстетическія цѣнности, неподвластныя тщеславной модѣ и стадному подражанію. Творческая мечта о единой негнѣнной красотѣ, жизненный образъ которой „спасеть міръ“, просвѣтитъ и возродитъ заблудшихъ и падшихъ, питается неискоренимой потребностью челоуѣческаго духа проникнуть въ зиджительныя тайны абсолютнаго“. (Введение, стр. XI).

Что такое „негнѣнная красота“? Если нашъ авторъ обозначаетъ этими „красивыми“,—какъ любятъ у насъ выражаться теперь,—словами красоту, какъ понятіе, то ему слѣдовало бы вспомнить, что понятіе безобразія такъ же „негнѣнно“, какъ понятіе красоты, какъ и всякое другое понятіе. Но понятіе безобразія, очевидно, не „спасеть міра“, не просвѣтитъ и не возродитъ заблудшихъ и падшихъ. Значитъ, одной „негнѣнности“ еще недостаточно для того, чтобы совершить всѣ эти подвиги. Что же дастъ возможность красотѣ совершить ихъ? Прямого отвѣта нѣтъ. А есть лишь нѣчто, какъ-будто имѣющее нѣкоторое сходство съ отвѣтомъ. Г. В. Сперанскій пишетъ:

„Это—не наивная отрѣшенная греза о возвратѣ потерянаго рая. Это—естественная цѣлительная функція жизнеспособнаго сознанія. Художественная стихія волей-неволей несетъ свои ненормальные волны въ океанъ абсолютнаго. Истинный поэтъ запечатлѣваетъ бессмертнымъ словомъ то, что носится въ зыбкомъ явленіи. По мудрому слову Аристотеля, искусство философичѣе исторіи, такъ какъ оно воспроизводитъ идеально необходимое, а не случайно-бывающее. Если философія есть своеобразное, трудное искусство, то и художественное творчество есть въ значительной мѣрѣ свободный философскій судъ надъ жизнью, дающій достойное имя каждой вещи“. (Введеніе, стр. XI—XII).

Отвѣтъ ли это, полно! Во всякомъ случаѣ, не убѣдительный. Признать, что художественное творчество есть „свободный философскій судъ надъ жизнью“ вовсе не значить показать, что существуетъ „вѣчная красота“, и что она способна совершить все тѣ чудеса, которыхъ наобѣщала за нее г. Сперанскій. Чернышевскій рѣшительно объявлялъ нездоровыми мечты о вѣчной красотѣ, а, между тѣмъ, одинъ изъ тезисовъ его замѣчательной диссертаціи гласитъ, что произведенія искусства очень часто имѣютъ значеніе приговора надъ явленіями жизни. „Слово“ Аристотеля насчетъ того, что искусство философичѣе исторіи, въ самомъ дѣлѣ, исполнено мудрости. Къ сожалѣнію, оно здѣсь не при чемъ. Смыслъ этого слова, какъ извѣстно, таковъ. Въ эпоху Аристотеля исторія еще не задавалась цѣлью научнаго изученія процесса человѣческаго развитія, т. е. еще не смотрѣла на него, какъ на законмѣрный процессъ. Она только рассказывала, что было... къ тому же нерѣдко искажая дѣйствительность по прихоти рассказчика. Поэтому Аристотель не признавалъ ея родства съ философіей, изучающей, по его словамъ, „нѣкоторыя причины и нѣкоторые принципы явленій“. Съ другой стороны искусство, подобно философіи, не ограничивается простымъ воспроизведеніемъ явленія. Оно по своему,—т. е. съ помощью тѣхъ средствъ, которыми пользуется оно, какъ искусство,—изображаетъ его существенное содержаніе. Поэтому Аристотель сказалъ, что оно ближе къ философіи, нежели исторія,—повторяю, тогдашняя исторія, по своему характеру весьма далекая отъ нынѣшней исторической науки. Аристотель былъ совершенно правъ. Но изъ того, что онъ былъ совершенно правъ, вовсе еще не слѣдуетъ, что г. Сперанскій правъ, хотя бы только отчасти.

Далѣе. Красота „вѣчная“, какъ я сказалъ, лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ „вѣчно“ всякое другое *понятіе*.— между прочимъ и понятіе безобразія. Но „вѣчность“ понятій не обезпечиваетъ ихъ неизмѣнности. Извѣстно, что понятіе людей

о красотѣ очень сильно измѣняется въ зависимости отъ условій мѣста и времени. Какое же право имѣемъ мы послѣ этого говорить объ „единой неизмѣнной красотѣ“? Я готовъ допустить что, любясь *своей* Венерой, готтентотъ испытываетъ такое же наслажденіе, какое испытываемъ мы при видѣ Венеры *Милосской* или *Капитольской*. Но если одно и то же наслажденіе можетъ быть вызвано двумя столь различными образами, то какой же изъ нихъ долженъ быть признанъ отраженіемъ „единой неизмѣнной красоты“?

Г. Сперанскій продолжаетъ: „Не временное недомоганіе встревоженной совѣсти часто и часто мѣшаетъ намъ удовлетвориться на путяхъ разумно-нравственнаго дѣланія условными мѣрилами пользы и наслажденія. Въ наше время немного уже находится мыслителей, берущихъ на себя неблагодарную задачу низведенія моральной философіи на степень прикладной тактики личнаго и собирательнаго себялюбія“. (Введеніе, стр. XII).

Подъ собирательнымъ себялюбіемъ, очевидно, слѣдуетъ понимать „себялюбіе“ пѣлаго общества или какой-нибудь его части, напримѣръ, сословія, класса и т. п. Въ наше время, дѣйствительно, встрѣчается очень мало мыслителей, сводящихъ моральную философію къ „прикладной тактикѣ“ этого себялюбія. Но почему? По двумъ причинамъ. Одна изъ нихъ состоитъ въ томъ, что сводить моральную философію къ „прикладной тактикѣ“ чего бы то ни было, значитъ смотрѣть на нравственность съ той рационалистической точки зрѣнія, которой крѣпко держались писатели XVIII вѣка, но которая должна быть рѣшительно отвергнута въ настоящее время, такъ какъ она отнимаетъ всякую возможность научно объяснить процессъ возникновенія нравственныхъ понятій. Наука имѣетъ дѣло съ закономѣрными процессами. Всякій *закономѣрный* процессъ есть процессъ *необходимый*. Смотрѣть на процессъ возникновенія нравственныхъ понятій, какъ на необходимый процессъ, значитъ стремиться объяснить, какъ порождаются эти понятія условіями человѣческаго существованія, и какъ измѣняются они съ измѣненіемъ этихъ условій. Само собою разумѣется, что если нравственныя понятія порождаются условіями существованія людей, то они непременно *должны* соответствовать этимъ условіямъ. Другими словами: нравственныя понятія, свойственныя данному общественному цѣлому, не могутъ противорѣчить тому, что нужно и полезно для охраненія его жизни. Еще иначе: въ той самой мѣрѣ, въ какой нравственныя понятія данаго общественнаго пѣлага опредѣляются условіями его существованія, т. е. сохраненія, въ нихъ выражаются его интересы. Но этотъ процессъ возникновенія нравственныхъ понятій данаго общественнаго пѣлага изъ условій его существованія со-

вершается „за спиною сознаниа“ отдѣльных людей (какъ сказалъ бы Гегель), которые чаще всего знаютъ только ихъ результаты, т. е. нравственныя заповѣди. Это, кажется, достаточно ясно. Но такъ какъ я не имѣю чести принадлежать къ числу высшихъ идеалистическихъ мыслителей и потому люблю выражаться толково, то еще поясню свою мысль примѣромъ. Всѣ члены цивилизованнаго общества знаютъ, что не слѣдуетъ воровать. Но только тѣмъ изъ нихъ, которые занимаются социологическими извѣстиями, извѣстно, что понятіе воровства родилось лишь тогда, когда разложился первобытный коммунизмъ, т. е. что оно возникло изъ общественныхъ условій человѣческаго существованія. А въ какомъ видѣ представился бы намъ процессъ приспособленія нравственныхъ понятій даннаго общественнаго дѣла къ условіямъ его существованія, а слѣдовательно, и къ его существеннымъ интересамъ, если бы мы взглянули на него съ *раціоналистической* точки зрѣнія? Въ совершенно иномъ! До такой степени иномъ, что передъ нами былъ бы уже не тотъ процессъ возникновенія нравственныхъ понятій изъ условій человѣческаго существованія, который совершается, какъ сказано, за спиною людей, а рядъ совершенно сознательныхъ дѣйствій, съ помощью которыхъ люди стараются приладить свою нравственность къ своимъ интересамъ. Если мы опять возьмемъ только что приведенный примѣръ понятія воровства, то у насъ выйдетъ вотъ что: люди, имѣющіе собственность, убѣдились, что воровство противорѣчитъ ихъ интересамъ. Поэтому они провозгласили: нравственность требуетъ, чтобы мы всѣ уважали чужую собственность. А провозгласивъ это, они стали испытывать угрызенія совѣсти, когда имъ случалось совершить дѣйствіе, похожее на воровство. При этомъ остается непонятнымъ, откуда же собственно берется угрызеніе совѣсти, такъ какъ тутъ мы имѣемъ дѣло только съ расчетомъ выгоды. А это показываетъ, что раціоналистическое объясненіе ничего не объясняетъ. И именно потому, что оно ничего не объясняетъ, наука не можетъ признать его сколько-нибудь удовлетворительнымъ.

Однако, этимъ вопросомъ, поднятый г. Сперанскимъ, исчерпывается только наполовину. Поэтому надо идти дальше. Нашъ авторъ апеллируетъ собственно не къ наукѣ, а къ „абсолютному“, что совѣмъ не одно и то же. Онъ говоритъ: „На высшихъ ступеняхъ духовной культуры интеллектъ, переростающій свою стихійную основу, не хочетъ болѣе быть послушнымъ пособникомъ въ борьбѣ за существованіе и поспирать слѣпыя влеченія животной наслѣдственности. Здоровое нравственное сознаніе можетъ питаться моральными цѣнностями только безусловными, т. е. философскими“ (Введеніе, стр. XII). Говоря это, г. Сперанскій является далеко не одинокимъ между моралистами нашего

времени. Требованіе безусловныхъ моральныхъ цѣнностей стало, можно сказать, модой дня. Но для науки сама мода есть результатъ извѣстнаго процесса развитія, опредѣленнаго условіями существованія людей. Какія же условія вызвали моду на аппеляцію къ безусловнымъ моральнымъ цѣностямъ?

Пока данное общество не раздѣлилось на классы, въ немъ не можетъ быть противорѣчій между его интересомъ и распространенными въ немъ нравственными понятіями. Съ возникновеніемъ классовъ мало-по-малу возникаетъ и мало-по-малу обостряется и это противорѣчіе. Господствующій классъ естественно считаетъ свой интересъ вполне сообразнымъ съ требованіемъ справедливости. Но въ господствующему классу всегда принадлежитъ меньшинство членовъ даннаго общества. Когда интересы такого класса приходятъ въ противорѣчіе съ интересами большинства, то возникаетъ вопросъ: можетъ ли быть справедливымъ то, что наноситъ вредъ большинству? И тогда наступаетъ время для переселенія справедливости на небо. Тогда идеологи господствующаго класса говорятъ: „дѣло вовсе не въ интересахъ большинства; интересы большинства условны, а справедливость есть явѣ что безусловное“. И всегда выходитъ, что безусловная справедливость, какъ нельзя лучше, мирится съ эксплуатацией меньшинства большинствомъ. При этомъ безразлично, облачается ли она въ религіозныя ризы, или—въ философскую хламиду. Нашъ авторъ предпочитаетъ эту послѣднюю: у него безусловныя моральныя цѣности суть цѣности философскія. Но какъ бы тамъ ни было, онъ очень ошибается, воображая, будто собственное ему стремленіе къ безусловнымъ моральнымъ цѣностямъ вызвано тѣмъ, что его „интеллектъ переросъ свою стихійную основу“. Увы! Въ этомъ-то стремленіи и сказывается необходимая сила стихійной основы. Г. Сперанскій,—очень можетъ быть, самъ того не замѣчая,—принадлежитъ къ числу идеологовъ господствующаго класса, интересы котораго рѣзко противорѣчатъ теперь во всемъ цивилизованномъ мѣрѣ интересамъ эксплуатируемаго большинства. Поэтому идеологи этого класса и любятъ распространяться о безусловныхъ, моральныхъ цѣностяхъ. Это понятно. Но „безусловно“ ли адорова „нравственное сознаніе“ этихъ почтенныхъ людей? Нашъ авторъ думаетъ, какъ видно, что да, а я сильно сомнѣваюсь въ этомъ.

Возвышенныя соображенія г. Сперанскаго о безусловныхъ цѣностяхъ, о вѣчномъ немеркнущемъ свѣтѣ, объ „океанѣ абсолютнаго“ и т. п. находятся во введеніи къ его книгѣ, чѣмъ и дѣлаютъ его „безусловно“ негоднымъ для подготовки читателей (или слушателей и слушательницъ) нашего мыслителя къ пониманію общественной роли философіи. Это было бы еще только полбѣды, если бы книга, снабженная такимъ введеніемъ, от-

части поправляла дѣло. Въ социальную, и книга не поправляетъ его. Написанная несравненно лучшимъ языкомъ, нежели введеіе, она, однако, столь же „безусловно“ не даетъ отвѣта на вопросъ о томъ, какую же роль играли философія въ ходѣ развитія общественной жизни. Да оно и неудивительно. Отвѣтить на этотъ вопросъ можетъ только тотъ, кто выяснилъ себѣ, какимъ образомъ общественное сознание опредѣляется общественнымъ бытіемъ. А это останется неяснымъ для г. Сперанскаго до тѣхъ поръ, пока онъ сохранитъ свое стремленіе топить философію въ „океанѣ абсолютнаго“.

Скажу откровенно: мнѣ жаль слушателей и слушательницъ г. Сперанскаго.

Г. Плехановъ.

Маркъ Криницкій. Разказы, т. III. Изд. „Шпловникъ“. 1912.

Первый разказъ книги озаглавленъ „Предсмертныя мысли Гуляева“;—Гуляевъ—это Иванъ Ильичъ Льва Толстого, профессоръ „Скучной исторіи“ Чехова, Иванъ Ивановичъ изъ повѣсти Арцыбашева „У послѣдней черты“,—хорошо знакомый „литературный“ обыватель, назначеніе котораго состоитъ въ томъ, чтобъ являться предъ русскимъ читателемъ во дни усталости, унынія и возбуждать вопросы о смыслѣ жизни, о Богѣ, мірѣ, человечествѣ. Личность жалкая, назойливая и совершенно лишняя сознанію человеческого достоинства. Умирая, Гуляевъ размышляетъ въ поученіе читателю:

„Можетъ быть нѣтъ ни Бога, ни міра, а есть что-нибудь третье. И что значить слово „есть“? Что значить, что онъ, Гуляевъ, какъ-то „есть“, и то или другое вообще „есть“?“

Въ слѣдующемъ разказѣ Криницкаго „Тамъ, за стѣною“ тридцатилѣтняя дѣвушка-учительница, которой—какъ „Учительницѣ“, героинѣ Маріи Яничекъ—хочется любить, быть женщиной думаетъ:

— „Живеть человекъ, но его на самомъ дѣлѣ нѣтъ. То-есть, онъ есть, но это такъ что-то, какъ говорится, вишнія черты. Тотъ или другой носъ. Блondияя или брюнетъ. Та или другая кофточка. Ужасъ, ужасъ“.

Въ третьемъ разказѣ описывается запой, сумасшествіе и самоубійство „Учителя Живарева“. Пьяный учитель идетъ по улицѣ деревни, мужикъ спрашиваетъ его: „Что, небось, Иванъ Саввичъ, все равно“? Мальчишки дразнятъ: „Все равно, все равно“! „Они не могли понять, отчего и какъ можетъ сдѣлаться, что человѣку вдругъ станетъ все равно“.

Какъ видите, авторъ объясняетъ запой учителя причинами глубоко-философскими. Это, конечно, очень любезно по отноше-

СОДЕРЖАНІЕ.

I. КАЛИНИНЪ. Очеркъ М. Горькаго	3
II. СТИХОТВОРЕНІЕ Семена Астрова	26
III. СУХАРИ. Повѣсть В. I. Дмитриевой.	27
IV. ВѢДЬМА. Стихотвореніе А. Черемнова.	54
V. ПРЕСТУПЛЕНІЕ. Разсказъ Ив. Бунина.	55
VI. ОТРЫВКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА ГР. П. А. ВАЛУЕВА	68
VII. СЛѢДЫ ВЧЕРАШНЯГО. И. Сургучева.	96
VIII. ХАНСТВО БАТЫРЪЕКА. Повѣсть Георгія Гребенщикова... ..	103
IX. ИСКУССТВО И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ. Г. В. Плеханова	130
X. СТИХОТВОРЕНІЕ. Ю. Верховнаго	161
XI. ГЕННИСАРЕТЬ. Романы Бенгта Берга. Перев. К. Жихаревой.	162
XII. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ НА ПОРОГѢ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ. Изъ біографическихъ очерковъ по неизданнымъ матеріаламъ. Евг. Ляцкаго.	200
XIII. НОВОЕ О ПРОШЛОМЪ.—Памяти Н. А. Некрасова.—Новые матеріалы: 1. О Некрасовѣ. Изъ записной книжки А. Н. Пышпа. 2. Письма Н. А. Некрасова. 3. Письмо Л. Н. Толстого къ Н. А. Некрасову.	229
XIV. ТРАНСЪ-АФРИКАНСКІЕ ПУТИ. Мих. Павловича	242
XV. КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ СИСТЕМА. Л. Герасимова	275
XVI. ГР. М. Н. МУРАВЬЕВЪ—ЗАГОВОРЩИКЪ. По неизданнымъ матеріаламъ П. Е. Щеголева	301
XVII. САТИРЫ. Ал-а Чернаго.	327
XVIII. ИТОГИ И ФАКТЫ. В. Стан-чъ.—Объединеніе или поглощеніе.—А. Хирьяновъ. Мяткиный шюкъ.—Бор. Фромметтъ. На свадьбахъ по семейному воспитанію	329
XIX. МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕССЪ ПО ИСТОРИИ ИСКУССТВЪ. П. Шаскольскаго	356
XX. НОВЫЯ КНИГИ.—В. Н. Сперанскій. Общественная роль философіи. Г. Плехалова.—Маркъ Криницій. Разсказы, т. III. А. П.—В. Тотоміанцъ. Кооперация въ русской деревнѣ. Б. Фр.—М. Филипповъ. Что такое страхованіе. П. Рябовскаго.—Б. Г. Данскій. Страхованіе рабочихъ. П. Рябовскаго.	372
XXI. КНИГИ, поступившія въ редакцію	384
XXII. † Ш. Я. НАТАДЗЕ	386
XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ	
ПРИЛОЖЕНІЕ Портретъ Н. А. Некрасова.	